

Научная статья

УДК 101.9

doi: 10.17223/1998863X/65/9

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФИЛОСОФИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА: ЖИЗНЬ SUB SPECIE AETERNITATIS

Елизавета Ивановна Спешилова

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород,
Россия, speshilova@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется взаимоотношение философских работ Л. Витгенштейна и его духовных, этических переживаний, представленных в дневниках разных лет. Выявляется антропологическое значение философии и автобиографии как практик самозидания, рассматривается дихотомия между тщеславием и смирением, свойственная его автобиографическому дискурсу.

Ключевые слова: Витгенштейн, дневники, автобиография, философия, антропологическая практика

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00124 «Философская автобиография как метод антропологической навигации».

Для цитирования: Спешилова Е.И. Автобиографический аспект философии Л. Витгенштейна: жизнь sub specie aeternitatis // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 90–99. doi: 10.17223/1998863X/65/9

Original article

THE AUTOBIOGRAPHICAL ASPECT OF WITTGENSTEIN'S PHILOSOPHY: LIFE SUB SPECIE AETERNITATIS

Elizaveta I. Speshilova

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation,
speshilova@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the relationship between Ludwig Wittgenstein's philosophical works and his spiritual, ethical experiences presented in the diaries of different years. The author reveals the anthropological significance of philosophy and autobiography as practices of self-creation, considers the dichotomy between vanity and humility inherent in Wittgenstein's autobiographical discourse. A careful study of autobiographical materials (diaries, notes, and letters) can allow one to read Wittgenstein's philosophical writings in the spirit in which they were conceived, as well as to see the commonality of his philosophical and personal interests. The author shows that, for Wittgenstein, the wartime notebooks of 1914–1916, written in the face of death, are a practice of preserving himself, his freedom and a way to rise above the baseness, cruelty, and obscenity of his environment. The themes of the diaries from the 1930s are somewhat different. The autobiographical notes of these years replace a person to confide to and also act as a space for introspection and even confession. The author emphasizes the fundamental difference between autobiography and autobiographical notes: autobiography is an intellectual act of presenting personal experiences, adjusted for potential readers, in which *I* am presented to myself as the *other*, while autobiographical notes (diaries) are a kind of activity of will and spirit, an existential practice that unfolds in the present and lacks an explicit opposition between the author and

the hero. In the conclusion, the author argues that the close relationship between Wittgenstein's philosophy and personal notes (and his life in general) is determined by the fact that these practices for him are primarily a work on himself, his own point of view and his way of perceiving things. According to Wittgenstein, it is necessary to break one's own pride in order to engage in both diary keeping and philosophical activities with honesty and dignity. For Wittgenstein, philosophy is a way of life, namely, a life of knowledge, in which reflection on logic naturally coexists with repentance of one's sins as two sides of the same personal task. The trajectory of Wittgenstein's life path demonstrates his continuous ethical reflection, his adherence to a genuine demand for honesty, uncovering, and his desire to live a decent, good life, visible *sub specie aeternitatis*.

Keywords: Wittgenstein; diaries; autobiography; philosophy; anthropological practice

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00124.

For citation: Speshilova, E.I. (2022) The autobiographical aspect of Wittgenstein's philosophy: life *sub specie aeternitatis*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 90–99. doi: 10.17223/1998863X/65/9

Хорошая жизнь – это мир, видимый *sub specie aeternitatis*.

Л. Витгенштейн, Дневники 1914–1916, 07.10.1916

Введение

В одном из своих дневников начала 1930-х гг. Людвиг Витгенштейн писал: «Движение мысли в моей философии должно быть различимо в свете истории моего мышления, его моральных концепций и понимания моей ситуации» [1. Р. 156], тем самым призывая исследователей его творчества иметь в виду не только «чистые» логико-философские идеи, но также антропологический и автобиографический контекст, в котором они возникли. Такое обращение во многом объясняется обеспокоенностью Витгенштейна тем, что дух его работ будет понят превратно, и стремлением предотвратить подобный сценарий [2. С. 32; 3. С. 31, 101]. В контексте столетия со дня выхода в свет «Логико-философского трактата» и семидесятилетия со времени ухода из жизни самого Витгенштейна актуальность и проблематичность вопросов интерпретации его творчества подтверждает полемика, развернувшаяся в этом году на страницах журнала «Эпистемология и философия науки». В рамках этой дискуссии были представлены диаметрально противоположные взгляды на ценность Трактата – от утверждения ничтожности, бедности и плоскости его философского содержания [4. С. 23] до максимально взвешенного признания определенных достижений, которые Витгенштейн сделал в отношении логики и оснований математики [5. С. 62–63], и оригинального предложения этического прочтения Трактата с акцентом на его метафилософское измерение [6. С. 36]. На мой взгляд, внимательное обращение к автобиографическим материалам (дневникам, заметкам и письмам) – многочисленным свидетельствам, которые сохранили его друзья, родственники и ученики, – может позволить прочитать философские работы Витгенштейна именно в том духе, в котором они были задуманы, а также показать общность его философских интересов с духовными и этическими переживаниями.

В данной статье исследуется антропологическое значение философской и автобиографической практики для самого Витгенштейна. При этом я

стремлюсь избегать редуционистских стратегий и односторонних попыток «полностью свести философию к жизни философов или, наоборот, их полностью разделить» [7. С. 45]. Также рассматривается вопрос о том, как теория и автобиография связаны друг с другом, акцентируется внимание на проекте автобиографии, которую Витгенштейн планировал написать, и на дихотомии между тщеславием и смирением, пронизывающей его дневники.

Автобиографические свидетельства: от «Логико-философского трактата» к «Философским исследованиям»

Как известно, первые сохранившиеся и доступные читателю автобиографические свидетельства философского характера, связанные с жизнью Л. Витгенштейна, – это «Дневники 1914–1916», на основании которых в дальнейшем возник «Логико-философский трактат», и так называемые «Тайные дневники 1914–1916», имеющие более личный характер и написанные особым кодом [8. С. 23]. Подобные записи – личные документы, в которых автор делится сведениями о своих делах, мыслях и опыте, – в контексте различных подходов к автобиографии именуют или эгодокументами (egodocument), или свидетельствами о себе (Selbstzeugnis), или жизнеописаниями (life-writing) [9. С. 26–30]. Несмотря на различие наименований, принципиальной особенностью такого типа письма является его экзистенциальная значимость: автор рефлексирует над происходящими с ним событиями и тем самым выстраивает определенного рода «философию себя», анализирует свой жизненный путь и конструирует некий личностный идеал, в котором выражаются его ценностные установки.

Нередко необходимость в автобиографических заметках возникает тогда, «когда человек теряет жизненные ориентиры и опоры и, желая их восстановить, вынужден осуществлять специальную рефлексивную работу по реконструкции и восстановлению собственного места, смысла собственной жизни» [10. С. 25]. Безусловно, обстоятельства жизни Витгенштейна в указанный период способствовали практике такого рода: речь, конечно, идет об участии в Первой мировой войне, во время которой и были написаны упомянутые дневники [11. С. 139]. Часть из них Витгенштейн успел уничтожить незадолго перед смертью [8. С. 4], однако оставшиеся материалы доподлинно демонстрируют духовные и этические переживания, которые сопутствовали написанию Трактата, и отчасти проясняют сам замысел произведения. Примечательно, что философские и личные записи соседствовали на одном развороте: «на левую страницу дневника Витгенштейн заносит секретным шрифтом личные заметки, правую покрывает теоретическими рассуждениями» [12. С. 44]. В условиях военного времени, перед лицом смерти обе стороны дневника предстают для Витгенштейна практикой сохранения себя, в которой прослеживается глубокая связь между его философией и жизнью. Неоднократно, почти речитативом в Тайных дневниках встречается, словно некое заклинание: «Пусть я никогда не потеряю себя самого» [13. С. 250], «Только не теряй себя самого!» [Там же. С. 266], «Не работал. Только не терять себя» [Там же. С. 278]. Именно работа над философскими вопросами позволяла Витгенштейну абстрагироваться от низости, жестокости и непристойности окружения, «спастись бегством в себе самом», чтобы жить [Там же. С. 264], тогда как периоды философского бездействия сопровождалась

предельно депрессивным состоянием и унынием. Возможность служить Духу помогала сохранять чувство собственной свободы, внутренней чистоты и преодолеть свое бессилие в отношении происходящих событий мира, став независимым от них.

Этический смысл, находящийся за пределами того, что может быть сказано ясно, и который Витгенштейн впоследствии признал (в одном из писем Людвигу фон Фикеру) основным смыслом Трактата, пронизывает его личные заметки. Он размышляет о том, что действительно ценно и важно, о том, что делает жизнь стоящей и в чем состоит правильный образ жизни, однако не презентует какую-то безусловную позицию и тем более не выстраивает этическую теорию [14. Р. 112]. Единственно правильной, гармоничной и благо-разумной, согласно Витгенштейну, является счастливая жизнь [13. С. 132], однако выявить определенную, объективную и универсальную черту, которая делает жизнь счастливой, представляется невозможным. Для самого Витгенштейна счастливая жизнь – это жизнь познания, в которой размышления о цели жизни – лучшее, что можно сделать [Там же. С. 295]; однако он не возводит этот тезис в абсолютный этический принцип, которому все должны следовать. Решение проблемы жизни, чувство мира как целого, а также удивление тому, что мир в принципе существует, является уникальным опытом и относится к сфере метафизического, выходящего за пределы языка, т.е. мистического. Эти рассуждения о смысле человеческого существования и этические пассажи, так же как и понимание задач философии, в отличие от представлений о языке, значении и методе анализа высказываний, оставались, по сути, неизменными в ходе философской эволюции Витгенштейна.

После войны и итальянского плена, продлившегося до августа 1919 г., Витгенштейн вернулся в Вену, где первым делом совершил «финансовое самоубийство» – отказался от внушительного наследства в пользу своих сестер, Хелены и Гермины, а также брата Пауля. Более того, в послевоенный период у Витгенштейна появляются мысли и о реальном самоубийстве¹ [15. С. 371–372], обусловленные переживанием смерти его близкого друга, Дэвида Пинсента, сложностями адаптации к мирному времени, неопределенностью своего жизненного пути и перспектив издания давно завершено к тому моменту «Логико-философского трактата». Свое новое призвание Витгенштейн решил найти в преподавании: в 1919 г. он поступил в педагогическое училище и после завершения учительских курсов отправился работать школьным учителем в удаленных австрийских деревнях (1920–1926). Затем, в 1926 г., отчаявшись после своей очередной педагогической несдержанности, Витгенштейн некоторое время проводит в роли садовника в монастыре и следом возвращается в Вену, где вплоть до 1928 г. выступает в качестве одного из архитекторов при строительстве дома для сестры.

В этот период, судя по всему, Витгенштейн приостановил практику ведения дневника, свойственную военным годам. По крайней мере каких-либо

---

¹ К этому моменту трое старших братьев Витгенштейна (Ганс, Курт и Рудольф) покончили жизнь самоубийством. Вместе с тем стоит отметить, что тема самоубийства беспокоила Витгенштейна и раньше, до войны. Отчасти это было связано с Отто Вейнингером – культовой фигурой для Вены начала 1900-х, автором книги «Пол и характер», который расправился с собственной жизнью осенью 1903 г. и тем самым вызвал череду самоубийств среди своих последователей. Идеи Вейнингера, выраженные в указанной книге, оказали значительное влияние на становление Витгенштейна и его представления о любви, сексуальности, еврействе и гении.

автобиографических свидетельств этих лет – самих дневников, записных книжек или их упоминания в письмах – не сохранилось. О состоянии Витгенштейна и его отношении к жизненным событиям тех лет свидетельствует «от первого лица» его личная и деловая переписка. Именно по переписке мы можем реконструировать перипетии, связанные с изданием «Логико-философского трактата»: неудачу в переговорах с издательством Вильгельма Браумюллера, безрезультатное рассмотрение возможности публикации в журнале *Beiträge zur Philosophie des deutschen Idealismus*, продолжительное и не увенчавшееся успехом общение с Людвигом фон Фикером насчет издания рукописи, а также отказ издательства *Reclam*. В итоге Трактат впервые вышел в свет только в 1921 г. в немецком журнале *Annalen der Naturphilosophie*, а в 1922 г. появилось и английское издание¹.

К практике ведения личных и философских заметок Витгенштейн снова приступил в 1929 г., когда вернулся в Англию, чтобы активно продолжить свои занятия философией. В одной из записей этого времени он пишет: «Столько лет я не чувствовал ни малейшей необходимости строчить в записной книжке», – и рассуждает, с чем связано возвращение к этой привычке [16. С. 277]. Эта фраза подтверждает предположение о длительном перерыве в ведении автобиографических записок. Как мы упоминали, во время войны дневники были для Витгенштейна определенной антропопрактикой, с помощью которой он стремился сохранить себя, преодолеть и пережить бесчеловечность происходящих событий. Жизнь в Австрии не ставила перед ним таких предельных экзистенциальных вызовов, это была естественная для него языковая и культурная среда в отличие от Англии, где он нередко чувствовал непонимание со стороны окружающих. Дневник в этом контексте, с одной стороны, «заменил человека, которому можно довериться» [Там же], и, с другой стороны, являлся пространством для самоанализа и даже исповедания.

Интересную, но, на мой взгляд, не вполне корректную интерпретацию взаимоотношений между двумя страницами упомянутых военных дневников, а также между личным (автобиографическим) и философским письмом в контексте философии Витгенштейна в целом предлагают авторы книги «Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография» [12. С. 43–55]. С их точки зрения, эти отношения первоначально выстраиваются в полемическом ключе: «сопоставляются и борются друг с другом две стороны (*Seiten*) и две страницы (*Seiten*)» [Там же. С. 44], и логико-философская часть, оформленная затем в виде Трактата, есть не что иное, как «обездвиживание, приостановка, устранение мира, некоторого рода гигиена, или иммунизирование, против беспорядка» [Там же. С. 47], в котором упраздняется все личное, тогда как поздний период творчества знаменуется преодолением этого раскола². Безусловно, весь спектр внутренних переживаний остался в итоге за рамками Трактата – кристаллической, идеально выстроенной и словно претендующей на неопровержимую истину структуры, в которой тем не ме-

¹ Р. Монк пишет, что Витгенштейн пришел в ужас, когда увидел, как впервые была напечатана его работа: он «принял ее за „пиратское издание“, и только когда в 1922 г. появилось английское издание, он признал, что его работа напечатана должным образом» [16. С. 217].

² Авторы почему-то избегают упоминания о том, что Витгенштейн и в последующем использовал в своих заметках тот же тайный код для записей личного характера, отделяя их тем самым от философских размышлений [16. С. 277].

нее удивительным образом сосуществует два аспекта – логический и мистический [14. Р. 112; 16. С. 170]. Однако дело не в том, что на раннем этапе личное, жизненное остается на периферии теории, а на позднем теория «отсылает к человеческой жизни <...> с нередуцируемой личной повесткой» [12. С. 55], но в том, что изменилось или, даже точнее, последовательно реализовалось само отношение Витгенштейна к теоретизированию: теория отбрасывается, словно лестница, поднявшись на которую можно увидеть мир в правильном свете (6.54), и в связи с этим трансформируется и сам стиль его философских рассуждений. От поиска априорного порядка в мире, выраженного в системе логически упорядоченных предложений, Витгенштейн переходит в «Философских исследованиях» к осознанию ограниченности научного метода¹ и поиску понимания, заключающегося в видении связей и аспектов, описанию всевозможных различий – грубой почве языковых игр, форм жизни и семейного сходства, которым свойственны неопределенность и бесконечное разнообразие. При этом задача самой философии принципиально не меняется – она, как и прежде, остается терапевтической и состоит в разрешении философских дилемм, возникающих из-за нарушения языковых правил; только сам язык – это уже не безупречный язык формальной логики, а естественный, обыденный язык, в котором значение слов определяется их употреблением, т.е. акцентируется внимание на прагматическом, даже перформативном характере речевой практики [18. С. 44]. Витгенштейн не стремится что-то *сказать*, декларировать философские истины – «псевдопредложения», но *показывает*, словно в художественном альбоме [19. С. 14], варианты прояснения различных языковых связей. Как и в Трактате, философия остается для Витгенштейна пространством битвы «против зачаровывания рассудка посредством языка» [Там же. С. 81] и при этом предельно личным делом, практикой, связанной в том числе и с работой над собой.

Еще в Дневниках 1914–1916 гг. Витгенштейн упоминал в качестве гипотетического примера возможность написания книги «Мир, который я нахожу» [13. С. 94], а из записей конца 1929 – начала 1930-х гг. мы видим, что он всерьез задумывался о написании автобиографии. Несмотря на то, что этот проект, как и многие другие, не был реализован, он заслуживает отдельного внимательного рассмотрения в рамках нашей темы.

Автобиография и автобиографические заметки: тщеславие vs смирение

Размышляя над проектом автобиографии, Витгенштейн пишет о возможности самых разнообразных форм повествования о себе, как достойных, так и недостойных: «...среди искренних автобиографий, которые можно бы написать, есть все градации от высшей до низшей», – а самим фактом написания автобиографии человек может не улучшить себя, но сделаться даже «хуже, чем был изначально» [16. С. 291]. Речь в данном случае идет об искушении эстетизации своей жизни в автобиографии [20. С. 73], дистанцировании автора (себя в настоящем) от персонажа (себя в прошлом) и попытках ретроспективно выявить (или даже сконструировать) жизненные последовательности, создав некий нарратив о себе. Автобиография – это интеллектуальный акт по

¹ Подробнее об ограниченности научного знания см.: [17. С. 10].

презентации личного опыта с поправкой на потенциальных читателей, и в ней *Я* сам представлен себе как *другой*, тогда как автобиографические заметки, дневники – это духовный, волевой акт, экзистенциальная практика, разворачивающаяся в настоящем времени и потому фрагментарная, в которой нет столь явно выраженной дихотомии автора и героя, но есть исповедальность¹, самопознание и поиск правды о самом себе.

Однако даже в своих дневниках 1930-х гг. Витгенштейн постоянно рефлексировал над тем, действительно ли он честен перед самим собой, и беспокоится, что его записи пронизаны тщеславием. Он презирает тщеславие, но постоянно обнаруживает его в себе: «...все или почти все, что я делаю, включая эти <дневниковые> записи, окрашено тщеславием, и лучшее, что я могу сделать, это как бы отделить тщеславие, изолировать его и, несмотря на него, поступать правильно, даже если оно всегда наблюдает <за мной>. Только иногда его нет» [14. Р. 132–133]. Посягательство тщеславия может исказить любое стремление к незапятнанному, чистому движению мысли к самопознанию [1. Р. 167] и превратить самооткровение в самообман, побуждая представлять себя в лучшем свете, нежели на самом деле. Дневники этого периода показывают самую суть дилеммы Витгенштейна: «Могу ли я быть достаточно скромным, чтобы достичь своего рода истинного самопознания? Скажу ли я что-нибудь о себе, что не было бы ложью, выдумкой, предназначенной для того, чтобы улучшить портрет самого себя, который не имеет никакого отношения к тому, кем я являюсь за пределами этого портрета? Неужели автобиография, независимо от намерений, обречена быть *par excellence* тщеславным проектом?» [21. Р. 325]. Более того, даже в своих попытках признать и исповедовать тщеславие Витгенштейн обнаруживает тот же тщеславный мотив: «Когда я говорю, что хотел бы избавиться от тщеславия, возникает сомнение, не является ли это желание опять-таки разновидностью тщеславия... В уме я уже оцениваю выгоду, которую получу от „отбрасывания“ тщеславия» [14. Р. 134]. Тем самым отмечаются автореферентность, рекурсивность и возможность бесконечного регресса как самого процесса самопознания, так и выявления тщеславности в нем.

Безусловно, в таком самообличении отражаются гиперкритическое, требовательное отношение Витгенштейна к самому себе, сопротивление поверхностности и ориентация на этическую серьезность и целостность. Автобиографические заметки с их покаянным характером, несмотря ни на что, функционируют для Витгенштейна как реагент на самовозвеличивание и в определенной степени наследуют античную практику *ὑπομνήματα* (ведения заметок для самого себя), которая должна поддерживать и усиливать чувство *προσοχή* – внимательности к себе и бдительности в каждое мгновение [21. Р. 328]. В качестве антитезы тщеславию позиционируется стремление к смирению, к которому Витгенштейн регулярно себя призывает, начиная еще с военных лет и продолжая в дневниках позднего периода: «Стало быть, в смирении выполнять работу» [13. С. 246], «Работай <...> смиренно, для того чтобы жить!» [Там же. С. 266], «Если я пойму, насколько сам мелок и ничто-

---

¹ Я согласна с Р. Монком, что любая автобиография, которую Витгенштейн мог бы написать, «походила бы скорее на „Исповедь“ блаженного Августина, чем, скажем, на „Автобиографию“ Рассела» [16. С. 292].

жен, я стану более смиренным» [3. С. 61]. С его точки зрения, требуется разрушить собственную гордыню, чтобы заниматься честно и достойно как написанием дневника, так и философской деятельностью. При этом и философия, и автобиографическое письмо выступают не в качестве объяснения, но в качестве описания, которое позволяет внести ясность и правду в понимание себя и мира.

Заключение

Таким образом, тесная взаимосвязь между философией и личными заметками (да и в целом жизнью) Витгенштейна определяется тем, что данные практики для него – это прежде всего работа над самим собой, собственной точкой зрения и своим способом восприятия вещей [3. С. 46; 22. Р. 25]. Более того, разрешение как философских, так и жизненных проблем он видит в избавлении от них, их исчезновении. Сама же философия предстает для Витгенштейна образом жизни – жизнью познания, в которой размышления о логике естественным образом соседствуют с покаянием в своих грехах как две стороны одной личной задачи. Ибо, как он однажды сказал Расселу: «Возможно, вы считаете эти размышления о себе пустой тратой времени – но как я могу быть логиком, пока не стану человеком! Самое главное – свести счеты с самим собой!» [23. Р. 10]. Траектория жизненного пути Витгенштейна демонстрирует наличие у него непрерывной этической рефлексии, следование неподдельному требованию честности, несокрытости и стремление прожить достойную, хорошую жизнь, видимую *sub specie aeternitatis*.

Список источников

1. Nordmann A. The Sleepy Philosopher: How to Read Wittgenstein's Diaries // Wittgenstein: Biography and Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 156–175.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И.С. Добронравова и Д.Г. Лахути. М. : Канон+, 2008. 288 с.
3. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности / пер. с англ. Л. Добросельского. М. : Астрель, 2010. 250 с.
4. Никифоров А.Л. Людвиг Витгенштейн и логический позитивизм // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 1. С. 22–30.
5. Суровцев В.А. Логический позитивизм, Л. Витгенштейн и этическое содержание «Логико-философского трактата» // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 1. С. 57–66.
6. Родин К.А. Этическое прочтение «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 1. С. 31–39.
7. Менжулин В.И. Биография философа: изучать нельзя не изучать // Автобиография, письмо и чтение. М. : Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 42–61.
8. Суровцев В.А. Ранний Витгенштейн: материалы к Логико-философскому трактату // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. М. : Канон+, 2015. С. 3–28.
9. Зарецкий Ю.П. Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях // Автобиография, письмо и чтение. М. : Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 24–41.
10. Смирнов С.А. Антропология автобиографии: автор и топика // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2019. № 14. С. 24–55.
11. Суровцев В.А. Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 308 с.
12. Томэ Д., Шмид В., Кауфманн В. Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография / пер. с нем. М. Маяцкого. М. : Изд. дом ВШЭ, 2017. 336 с.
13. Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916 / пер. с нем. и общ. ред. В.А. Суровцева. М. : Канон+, 2009. 400 с.
14. Sass L. Deep Disquietudes: Reflections on Wittgenstein as Antiphilosopher // Wittgenstein: Biography and Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 98–155.

15. Аванесов С.С. Вольная смерть. Томск : Том. гос. ун-т, 2003. Ч. 1: Основания философской суицидологии. 396 с.
16. Монк Р. Людвиг Витгенштейн. Долг гения / пер. с англ. А. Васильевой. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 624 с.
17. Аванесов С.С. Проблема и тайна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 2 (10). С. 7–11.
18. Борисов Е.В. Прагматическая теория значения у Витгенштейна и Хайдеггера // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 38–44.
19. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М. : АСТ, 2018. 352 с.
20. Смирнов С.А. Антропология автобиографии. Ч. 1: Автобиография: проблема метода // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2018. № 13. С. 66–103.
21. LaRocca D. Note to Self: Learn to Write Autobiographical Remarks from Wittgenstein // Wittgenstein Reading. Berlin : De Gruyter, 2013. P. 319–333.
22. Conant J. Philosophy and Biography // Wittgenstein: Biography and Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 16–50.
23. Monk R. Philosophical Biography: The Very Idea // Wittgenstein: Biography and Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 3–15.

References

1. Nordmann, A. (2001) The Sleepy Philosopher: How to Read Wittgenstein's Diaries. In: Klage, J.C. (ed) *Wittgenstein: Biography and Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 156–175.
2. Wittgenstein, L. (2008) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German by I. Dobronravov & D. Lakhuti. Moscow: Kanon+.
3. Wittgenstein, L. (2010) *Kul'tura i tsennost'. O dostovernosti* [Culture and Value. On Certainty]. Translated from English by L. Dobroselsky. Moscow: Astrel'.
4. Nikiforov, A.L. (2021) Ludwig Wittgenstein and logical positivism. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 58(1). pp. 22–30. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20215813
5. Surovtsev, V.A. (2021) Logical Positivism, Wittgenstein and Ethical Value of the Tractatus Logico-Philosophicus. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 58(1). pp. 57–66. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20215817
6. Rodin, K.A. (2021) Ethical Reading of the Tractatus Logico-Philosophicus. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 58(1). pp. 31–39. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202158110
7. Menzhulin, V.I. (2013) Biografiya filosofa: izuchat' nel'zya ne izuchat' [A Philosopher's Biography: Study or Not Study]. In: Zaretsky, Yu.P. (ed) *Avtobiografiya, pis'mo i chtenie* [Autobiography, Writing and Reading]. Moscow: HSE. pp. 42–61.
8. Surovtsev, V.A. (2015) Ranniy Vitgenshteyn: materialy k Logiko-filosofskomu traktatu [Early Wittgenstein: Materials for the Tractatus Logico-Philosophicus]. In: Wittgenstein, L. *Dnevnik 1914–1916* [Diaries 1914–1916]. Moscow: Kanon+. pp. 3–28.
9. Zaretsky, Yu.P. (2013) Novye podkhody k izucheniyu svidetel'stv o sebe v evropeyskikh issledovaniyakh [New Approaches to the Study of Life-Writing in European Studies]. In: Zaretsky, Yu.P. (ed.) *Avtobiografiya, pis'mo i chtenie* [Autobiography, Writing and Reading]. Moscow: HSE. pp. 24–41.
10. Smirnov, S.A. (2019) Anthropology of Autobiography: The Author and Topic. *Chelovek.RU*. 14. pp. 24–55. (In Russian).
11. Surovtsev, V.A. (2001) *Avtonomiya logiki: istochniki, genezis i sistema filosofii rannego Vitgenshteyna* [Autonomy of Logic: Sources, Genesis, and System of Early Wittgenstein's Philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Thomä, D., Schmid, U. & Kaufmann, V. (2017) *Vtorzhenie zhizni. Teoriya kak taynaya avtobiografiya* [Invasion of life. Theory as a secret autobiography]. Translated from German by M. Mayatsky. Moscow: HSE.
13. Wittgenstein, L. (2009) *Dnevnik 1914–1916* [Diaries 1914–1916]. Translated from German by V. Surovtsev. Moscow: Kanon+.
14. Sass, L. (2001) Deep Disquietudes: Reflections on Wittgenstein as Antiphilosopher. In: Klage, J.C. (ed.) *Wittgenstein: Biography and Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 98–155.

15. Avanesov, S.S. (2003) *Vol'naya smert'* [Free Death]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
16. Monk, R. (2018) *Lyudvig Vitgenshteyn. Dolg geniya* [Ludwig Wittgenstein. The Duty of Genius]. Translated from English by A. Vasilyeva. Moscow: Delo.
17. Avanesov, S.S. (2010) Problema i tayna [Problem and Mystery]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(10). pp. 7–11.
18. Borisov, E.V. (2009) Pragmaticheskaya teoriya znacheniya u Vitgenshteyna i Khaydeggera [Wittgenstein's and Heidegger's Pragmatic Theory of Meaning]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 320. pp. 38–44.
19. Wittgenstein, L. (2018) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Studies]. Translated from German by L. Dobroselsky. Moscow: AST.
20. Smirnov, S.A. (2018) Antropologiya avtobiografii [Anthropology of autobiography]. *Chelovek.RU*. 13. pp. 66–103.
21. LaRocca, D. (2013) Note to Self: Learn to Write Autobiographical Remarks from Wittgenstein. In: Bru, S., Huemer, W. & Steuer, D. (eds) *Wittgenstein Reading*. Berlin: De Gruyter. pp. 319–333.
22. Conant, J. (2001) Philosophy and Biography. In: Klagge, J.C. (ed.) *Wittgenstein: Biography and Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 16–50.
23. Monk, R. (2001) Philosophical Biography: The Very Idea. In: Klagge, J.C. (ed.) *Wittgenstein: Biography and Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 3–15.

Сведения об авторе:

Спешилова Е.И. – магистр философии, научный сотрудник научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика» Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия). E-mail: e.speshilova@yandex.ru

Information about the author:

Speshilova E.I. – Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation. E-mail: speshilova@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 03.08.2021;
одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 03.08.2021;
approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication 03.03.2022*